

Разграничение секса и любви

Французская свобода в Москве

“Трилогия Свободы” французской “новой волны”, получившая прописку в “Догме-95”, была представлена в Москве ее авторами — Жан-Марком Барром и Паскалем Арнольдом. Они дружат и вообще все делают вместе: по общей идее написали сценарий, спродюсировали, срежиссировали, сняли цифровой камерой. Барр к тому же — исполнитель главной роли в двух фильмах трилогии. Известен он по преимуществу своими актерскими успехами в “Голубой бездне” Люка Бессона и фильмах знаменитого датского “догматика” Ларса фон Триера — “Европа”, “Рассекая волны” и “Танцующая в темноте”. В Россию привезены пока только два фильма трилогии. Первый — “Любовники” — был снят в городе любви, Париже, и показывает любовь. Второй родом из глухой американской провинции, носит название “Слишком много плоти” и повествует о сексе. Третий придет к нам летом, на конкурс Московского кинофестиваля, будет называться “Просветление” и расскажет об убеждениях.

Авторы “Трилогии Свободы” убеждены, что существует грань, за которой общество отвергает сексуальные отношения, что необходимо снять с себя вину, возложенную на тебя религией и обществом. Любовь — единственное, что противостоит хаосу окружающего мира. Барр и Арнольд задаются вопросами: могут ли законы повлиять на возникновение желаний, обязательно ли любовь и секс должны быть связаны между собой? Приятно констатировать, что над сытым западным обществом все еще витают философские сомнения, а каноны “Догмы” находят новых последователей и потребителей. Три фильма французской “Догмы” имеют три знака свободы — секс, любовь и политическое убеждение. За это предлагается в очередной раз бороться, не щадя живота своего. Большинство членов нашего общества в отличие от западного пока только привыкают к состоянию покоя после борьбы. Мы даже и не знаем, что надо воспитывать в себе катастрофическое разграничение секса и любви, любви и мыслей, мыслей и секса. То, что они должны быть по разные стороны баррикад, каждый отстаивая свою свободу, нам точно в диковинку!

Рассказывает **Ж.-М.Барр**: Французы, итальянцы, имеют повышенный интерес к этой теме, и когда они видят что-либо существующее рядом с сексуальностью, то испытывают еще большее желание приобщиться к тому, на что смотрят. Немцы смеются, им забавно, и в то же время они абсолютно невеселы. Англичане сразу меняют свою пози-

цию, свое положение перед экраном, пересаживаются на другое место, не хотят смотреть, даже уходят. Это лишний раз позволило нам убедиться в том, что в каждой культуре, в каждой стране существуют свои собственные законы. Не думаю, что у отдельного человека представления о свободе резко отличаются от представлений другого человека. Но сексуальные отношения очень связаны с индивидуальным характером партнеров.

Фильм “Слишком много плоти” натушно отделяет любовь от секса. Сорокалетний Лайл живет в браке без секса все двадцать лет совместной жизни! Почему — главная интрига фильма, раскрывать которую не стану. В деревню как-то раз приезжает некая фривольная французская женщина и открывает перед Лайлом все прелести любовных утех. Он прозревает и становится свободным. Но нравы тамошних односельчан суровы.

В истории “Любовников” любовь вступает в конфликт с законом. Югославский художник, нелегально живущий в Париже, находит свою любовь с французским именем Жанна. Все чудесно и сексуально по максимуму — интимные сцены обнажают всю суть идеальных отношений. Но счастье не может длиться

долго: нелегала грубо выдворяют из романтической Франции. Отсюда вывод: если нельзя любить без прописки, значит, свободы не существует!

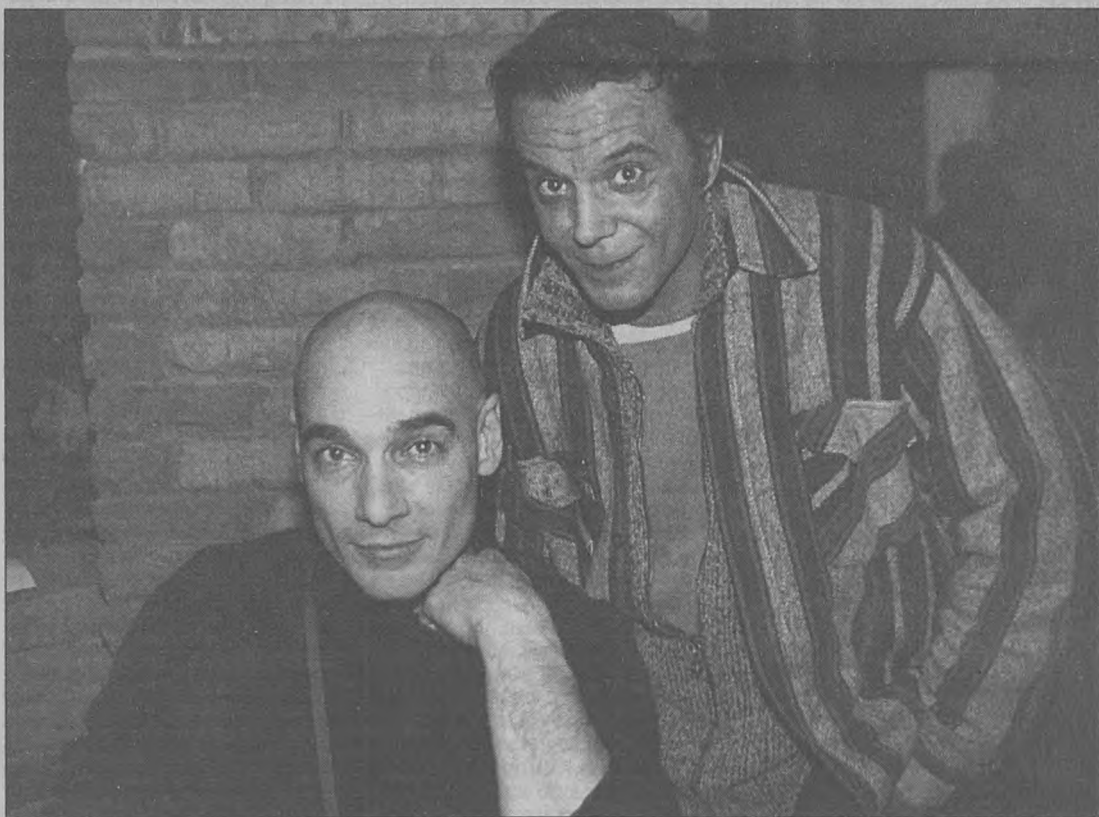
Ж.-М.Барр: Эта история могла произойти где угодно. И самое главное в ней — мнение о норме в сексуальности. Когда снимали в Париже “Любовников”, мы почувствовали свободу, возможность передвигаться, куда и как хотели, чего раньше, на других картинах, не имели. Люди на улицах принимали нас за туристов и попали в кадр нашей картины. Снимали мы без официального разрешения, нелегально, но получили это разрешение спустя три месяца после окончания работы над фильмом. Самим этим поступком хотели продемонстрировать свободу в демократическом обществе. И даже если бы нас потом решили наказать, то ничего не смогли бы сделать! Протест наш состоит в том, чтобы обмениваться с публикой счастьем, радостью и несчастьем тоже.

Великолепные моменты, которые мы переживали как зрители, мы никогда не переживали, когда участвовали в кино сами. Кино — это иллюзия, а я просто человек, который заполняет собой кадр. Существует сто миллионов интерпретаций этой иллюзии, и я себя как актера все-

рвые не воспринимаю, потому что не могу полностью привносить в работу все то, что хотелось бы. Непосредственно в работу, может быть, и да, но не в результат, не в фильм. Работая в кинопромышленности, мы с Паскалем поняли, что те фильмы обезличивали, лишали нас человечности. Когда же мы работаем сами, то делаем то, что хотим, и все на сто процентов зависит только от нас. Поэтому каждый наш фильм — это мы. Погружаясь в иллюзию кино, человек идентифицирует себя с кем-то, размышляет над чем-то. Я не могу точно определить, что такое искусство. Но в любом случае это духовность. Например, реклама “Кока-колы” — тоже искусство, но не в моем понимании. Искусство для нас — лишь средство передать то, что мы хотим сказать.

Мы снимали не какой-то там необыкновенный фильм с большой буквы, а просто обычный фильм. Мы таким образом живем, имеем привилегию быть здесь и говорить об этом, а не о том, как убить Годзиллу. Наша работа — изготовление иллюзий. Наша цель — разделить их с кем-то.

Арина АБРОСИМОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Ж.-М.Барр и П.Арнольд

руководитель проекта — 17-23 янв. — 08